

Галина
Шляхова

Повесть
твоего
сердца

Галина Шляхова

Повесть твоего сердца

«Издательские решения»

Шляхова Г.

Повесть твоего сердца / Г. Шляхова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741096-4

Непризнанный художник, привыкший вести счёт неудачам, однажды видит сон, который меняет его жизнь. Картина, написанная под влиянием ночного видения, привлекает целый вихрь чудес, пытаясь разобраться в которых герой постепенно постигает смысл своего существования и учится иначе воспринимать своё творчество. Таинственным образом вызванные им к жизни персонажи помогают ему понять себя, а заодно и сами неожиданно оказываются участниками событий, наделёнными собственными характерами и судьбами.

ISBN 978-5-44-741096-4

© Шляхова Г.
© Издательские решения

Содержание

Первое письмо Художника племяннику	6
Взгляд с картины	7
Ночной голос	10
Встреча в сумерках	12
Подарок звёзд	16
Жизнь в клетке	20
Город драконов	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Повесть твоего сердца

Галина Шляхова

Фотограф Наталья Гончар

Дизайнер обложки Наталья Гончар

© Галина Шляхова, 2017

© Наталья Гончар, фотографии, 2017

© Наталья Гончар, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-1096-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Рыжухе,
одной из лучших кошек,
когда-либо живших на Земле.

Первое письмо Художника племяннику

Здравствуй, мой маленький тушканчик!

Наверное, тебе, семилетнему ребёнку, не очень интересны подчас бессмысленные рассуждения твоего уже не молодого дяди. И папа твой велел мне оставить тебя в покое, чтобы не загружать светлую юную головку ненужной информацией. Но всё же я вновь пишу тебе, потому что мне необходимо излить душу, а ты единственный человек на всей планете, способный снисходительно внять моим мыслям. Неопытные дети, как ни странно, с большим пониманием относятся к некоторым вещам, чем чересчур логичные взрослые.

Ну а если моё письмо покажется тебе слишком нудным и сложным, просто забудь его содержание. Быть может, твой папа прав: я злоупотребляю твоим вниманием.

Помнишь, я говорил тебе о девушке, которую видел во сне? Её лицо так и стояло у меня перед глазами с тех пор. Едва я встретил этот образ в своих мечтах, как мне стало казаться чрезвычайно важным запечатлеть его, и я не находил себе места, пока не взялся за дело. Не припомню, чтобы над какой-либо из прежних своих картин я трудился с подобным вдохновением. Портрет получился у меня не сразу: восемь раз я уничтожал почти готовую работу, обнаруживая недостаточное сходство с тем обликом, совершенную красоту которого стремился передать.

Уже почти разуверившись в успехе затеи, с девятой попытки я всё же добился точного воспроизведения на холсте незнакомки из моего сна. Сейчас с картины на меня устремлён задумчивый взгляд из-под длинных ресниц, и бледноватое лицо выглядит настолько живым и осмысленным, что я словно физически ощущаю в комнате человеческое присутствие. Для моей привыкшей к одиночеству души это и странно, и волнительно...

Мне трудно подобрать слова, чтобы передать, что я чувствую, когда смотрю на портрет. Эта девушка наполняет меня безосновательной, но непоколебимой верой, что она принесёт в мою жизнь перемены. Надежду. Опасности. И ни с чем не сравнимое счастье.

Я привык к разочарованиям, и крушение очередной мечты не сильно огорчит меня. За столько лет не отыскав любви и доверия, понимания и доброты, в которых я когда-то так нуждался, я убедил себя, что не достоин ничего лучшего, чем та однообразная уединённая жизнь, которую я имею. Я старательно отгоняю от себя волшебные предчувствия. Разве мог я, обычный человек, сотворить чудо? Ни мой сон, ни ставший его продолжением портрет не наделены никакой особой силой.

Но вопреки здравому смыслу взгляд с картины до дрожи заставляет верить в абсурдные желания.

Прости, если это письмо озадачит тебя. И спасибо, что прочтёшь его.

Я люблю тебя.

Твой дядя Художник.

Взгляд с картины

Какие красивые, какие тонкие черты лица! На картинах такие лица трогают до слёз.

Р. Н. Гюнтекин

Птичка певчая

Ему было 38 лет. Для всех он был неудачником, который не сумел добиться успеха в жизни, который в свои зрелые годы умудрился остаться без работы, без денег и без семьи. Слишком мечтательный, не в меру добрый, не к месту наивный, он не вписывался в реальность, будто был создан для сказочной повести, а не настоящего мира.

С детства он отличался характером странным и непокладистым. Родители, потратив массу усилий на его воспитание, в конце концов отчаялись сделать из него «приличного человека». Старший сын, Сергей, стал их утешением, оправдав семейные надежды: он превратился в крупного коммерческого деятеля, нажил солидный достаток, женился довольно выгодно и подарил родителям очаровательного внука Андрюшку. Словом, вёл существование размеренное и постоянное, как физическая величина, что устраивало и его, и окружающих.

Но его младший брат... Своими необъяснимыми выходками, безумными рассуждениями и непримиримым отношением к действительности он разбил на старости лет сердце матери и довёл отца до ярости. После неоднократных тщетных попыток «наставить неразумного сына на путь истинный» у родителей опустились руки. Впрочем, их отдаление не слишком опечалило их оригинального отпрыска: для него одиночество стало нормой жизни с тех пор, как он помнил себя.

Старший брат тоже от него отвернулся. В благополучном мире Сергея не находилось места для оборванца со специфическими взглядами. Но, чтобы обеспечить себе репутацию человека милосердного, время от времени он поддерживал со своим родственником общение и даже иногда помогал ему материально.

Разумеется, если бы Сергей знал, чем обернутся редкие визиты его брата, он навсегда закрыл бы для того двери своего дома. Но успешно заниматься предпринимательством ещё не значит обладать проницательностью.

Маленького Андрюшу очаровали рассказы его дяди. Затаив дыхание, широко распахнув доверчивые глаза, мальчик слушал о справедливости, о добре, о любви, о дружбе... о чудесах, которым нет места в реальном мире, в мире, известном ему от отца, никогда не говорившего с ним об этих вещах...

Ребёнок привязался к дяде горячо и искренне. Почему папа называл такого мудрого человека сумасшедшим и велел Андрюшке проводить с ним меньше времени? Да и куда уж меньше! Дядя и так редко приходил к ним в гости, и мальчик старался не упустить эти счастливые часы, когда он мог пообщаться с тем, кто ласково называл его тушканчиком и пытался объяснить ему свои мысли, столь увлекательные. И почему, когда Андрюшка объявил, что хочет быть похожим на своего дядю, папа рассердился и кричал, чтобы он не смел думать об этом «оборванце, который не может служить примером для подражания»? А потом позвонил по телефону и долго втолковывал кому-то на другом конце провода, чтобы этот «кто-то» не портил его сына чудачковатыми бреднями, дурно влияющими на детскую психику. Андрюшка плакал целый вечер, узнав, что дядя никогда больше не придёт к нему, и не понимал, за что же папа не любит своего брата. Мальчик боялся, что навсегда потерял близкого друга. Но вот на днях в детском саду воспитательница – очевидно, не предупреждённая, что не все родственники мальчика вправе оставлять для него гостинцы, –

передала ему письмо от дяди. Радости ребёнка не было предела. Хотя Андрюшка только недавно научился читать, он кропотливо разбирал затейливый почерк дорогого человека. Теперь общение с дядей усложнилось, но, как он и учил малыша, желания не должны исполняться легко и трудности повышают ценность того, что удаётся получить путём их преодоления. И Андрюшка с большим усердием стал заниматься грамматикой, чтобы лучше читать и скорее научиться писать. Тогда он сможет ответить дяде на его послание. Главное, чтобы папа об этом не узнал. Андрюшка интуитивно чувствовал, что тот не одобрил бы переписку своего брата с племянником.

Итак, ему было 38 лет, и для всех он был человеком ленивым, потерянным для общества и изо дня в день влачащим бесполезное существование. Только его племянник Андрюшка сумел распознать в нём того, кем он был на самом деле. А был он Художником.

Родители, сообразив, что большего от младшего сына ожидать не приходится, пробовали уговорить его выставлять картины на продажу. Уступая их настойчивым просьбам, Художник попытался следовать этому совету. Но зарабатывать на жизнь таким способом не вышло: творчество его не оценили.

Согласно классическому механизму замкнутых кругов, в которых причины и следствия взаимно порождают друг друга, один раз столкнувшись с непониманием, Художник перестал верить в себя, заведомо ожидая отказов и критических отзывов, а потому неизбежно притягивая именно их. Ведь посторонним не понять повесть сердца автора, если тот, рассказывая её через своё творчество, сам считает её неинтересной и бессмысленной.

Вслед за публикой согласившись, что производил на свет лишь бездарную мазню, Художник научился презирать и ненавидеть себя за свою никчемность, но не забросил живопись, поскольку только в ней и находил утешение. Решив, что выполнять работы на заказ означает предавать искусство, а выставлять на оценку написанное по вдохновению чревато только усугублением разочарований, он был единственным созерцателем собственных произведений. Садясь за мольберт, он забывал об окружающем мире, отношения с которым у него упорно не ладились, погружаясь в мир собственный, где бывал счастлив.

Однокомнатная холостяцкая квартира – такова была мастерская Художника. Старая, потёртая мебель, хаотично разбросанные вещи, полуободранные выцветшие обои – вся эта обстановка, требующая уборки и ремонта, ничуть не волновала обитателя скромного и мало уютного жилища.

Не так уж много картин украшало стены квартиры Художника, но зато это были настоящие произведения искусства.

Особенно сильное впечатление производила одна из них. На ней был изображён берег океана. Синяя водная гладь казалась спокойной, лишь издали, с края горизонта, чуть поднималась волна. А на берегу возвышался утёс. Могучий и гордый, он устремлялся к самому небу. Каменная громада выглядела абсолютно гладкой, лишь небольшое ущелье рассекало её поверхность. Взгляд не проникал вглубь, и оставалось тайной, ведёт ли трещина в удобную пещеру или же не имеет продолжения.

Помимо этого пейзажа присутствовали в комнате Художника и другие. На одном изображалось солнце, восходящее над небольшим посёлком и обагряющее небо сиянием своих лучей. На другом раскинулись вечно зелёные джунгли: свисающие лианы, пальмы со спелыми кокосами на верхушках и проворные мартишки, застывшие в стремительном прыжке или висающие головами вниз.

Только натюрмортов не писал Художник. Он считал, что мёртвая природа не имеет ни неповторимой прелести, ни силы воздействовать на чувства человека.

Что же касается портретов, Художник давно хотел попробовать себя в этом жанре. Но лица, которые окружали его, казались ему слишком неискренними и поверхностными,

чтобы служить источниками вдохновения. Не желая писать портрет с натуры, он мечтал сам придумать идеальный образ, который сочетал бы в себе физическую целесообразность с чистотой души, читающейся даже сквозь внешние черты. Однако смутно угадываемый облик никак не приобретал в его сознании целостности, пока однажды Художник не встретил девушку, соответствовавшую его представлениям о совершенной красоте, во сне. Её лицо, хотя и не напоминало ему никого из знакомых, врезалось в память, и, желая сохранить его наяву, он понял, что нашёл долгожданную музу.

Художник работал над портретом целый день. Восемь эскизов показались ему негодными и были с досадой разорваны им. Солнце уже село, когда он взялся за кисть в девятый раз. Точно издеваясь над его неугомонностью, в доме вдруг отключилось электричество, погрузив комнату в мягкий полумрак. Однако это не остановило творческую энергию Художника. Отблески свечи плясали по полотну, и так же неровно, как менялись очертания теней, ложились на холст мазки масляной краски.

Свеча догорела, в комнате стало совсем темно. Художник окончил работу и отложил кисть. В предрассветных сумерках он сидел перед своей картиной, которую не мог разглядеть, и ожидал восход. Наконец первый луч проник в окно.

С мольберта на Художника взглянули чёрные глаза. Взглянули сперва строго и холодно, так, что он внутренне содрогнулся. Но, повторно посмотрев на картину, он заметил во взгляде девушки оттенок ласки, долю участия. Её лицо, сначала показавшееся бледным, теперь будто оттаяло, щёки покрылись румянцем. Губы были плотно сжаты, но уголки их словно подрагивали, в любой момент готовые улыбнуться. Волнистая прядь тёмных волос, спадавших ниже плеч, кокетливо выбилась на лицо, которое выглядело надменным. Должно быть, обладательница его сознавала всю силу своей красоты. Однако за загадочными чертами угадывались и доброта, и нежность, и намёк на страстные чувства, тщательно скрытые под маской величественного равнодушия.

– Дитя зари, – прошептал, от избытка эмоций вкладывая в слова излишний пафос, впечатлённый Художник, – Аврора! Моей кистью, вероятно, руководила высшая сила, когда я рисовал тебя. Ты не принадлежишь мне. Ты явилась мне во сне и вернулась теперь, при утреннем свете. Сейчас ты ещё прекрасней. Ты родилась вместе с новым днём, едва лишь встало солнце. Богиня утренней зари, Аврора!

Этот восторженный мадригал, произнесённый Художником в честь плода его усилий, сопровождал появлению Авроры. Первые слова, услышанные гордой красавицей, явились восхищением и преклонением перед её очарованием, а заодно и признанием её самобытности. Усомнившись, принадлежит ли ему его же творение, автор озвучил неосознанное пророчество.

Утомлённый, но счастливый Художник испытывал острую потребность разделить с кем-нибудь захлестнувшие его эмоции. Но он был одинок. Единственным, кто мог бы его выслушать и понять, был семилетний мальчик, его племянник, да и с тем строгий отец запретил ему общаться, чтобы не забивать головку ребёнка «всякой чепухой». Но стремление рассказать кому-нибудь об удивительном портрете оказалось нестерпимым, и, недолго думая, Художник решился написать Андрюшке письмо, ещё не придумав, каким образом умудрится доставить его адресату.

Около полудня он завершил своё послание маленькому «тушканчику». Устало зевнув, он тяжело опустился на край дивана. Бессонная ночь и долгие часы труда истощили его силы. Художник ещё раз поднял глаза на Аврору, и ему на мгновение померещилось, будто её взгляд обращён в другую сторону. Но, не в силах больше бороться с одолевавшим его сном, он отвернулся к стене и моментально расстался со всеми мыслями.

Ночной голос

*А под маской было звёздно,
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.
И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уносила время прочь.*

А. Блок

– Здравствуй, Художник!

Словно сквозь сон донёсся до него тихий мягкий голос. Казалось, кошка вкрадчиво мурлыкала возле его уха. Разомкнув веки, Художник поймал на себе взгляд пары мерцавших глаз. Вскоре начав привыкать к темноте, он различил очертания силуэта девушки, сидящей у него в изголовье.

– Аврора... – прошептал растерявшийся Художник.

Ответом ему был слабый смех.

– Да, это я, – откликнулся тот же голос.

Художник услышал, как чиркнула спичка. Огонёк заплясал перед ним и осветил лицо девушки. Он узнал её. То же благородство, та же грация, то же величие, та же таинственность, что сквозили на портрете, теперь отражались в отблеске вспыхнувшей свечи.

– Что ты здесь делаешь, ты же не живая, – пробормотал Художник.

– Пока что да, но в твоих силах исправить это.

Девушка поставила свечу на тумбочку возле дивана и неторопливо стала прохаживаться по комнате.

– Я плод твоего воображения, хотя это меня не вполне устраивает. Но придётся с этим смириться. В конце концов, если бы не ты, меня бы не было. Надо отдать тебе должное: ты создал меня красавицей!

Художник следил глазами за её плавной походкой, стараясь не упустить ни одного движения. Она перемещалась осторожно, будто леопард на охоте. Каждый шаг претендовал на шедевр. Он любовался ею. Он наслаждался тембром её голоса, в то время как его разум отказывался осознавать смысл потока слов.

– Как ты можешь говорить со мной? Ты ведь портрет. Как ты сама выразилась, ты существуешь лишь в моей фантазии. Или... я снова вижу сон?

– Нет, на сей раз ты не спишь и не гредишь.

Аврора присела обратно на край дивана.

– Видишь ли, мир мечтаний очень тесно связан с реальностью. Любое твоё потаённое желание может исполниться, но это зависит от тебя самого. Тебе слишком скучно, слишком душно в действительности, поэтому ты ищешь спасения внутри себя. Но ты не можешь жить по ту сторону своей души – ведь ты имеешь тело, тогда как твои фантазии бестелесны... пока.

Художник приподнялся на постели.

– Что ты хочешь этим сказать? Знала бы ты, какими бессмысленными бывают мои грёзы...

Девушка тихо рассмеялась.

– Уж поверь мне, я знаю. Ведь я сама – олицетворение твоей мечты. Надо признаться, самой лучшей.

– Но то, о чём я думаю, сбыться не может...

– Отчего же, если портрет способен ожить?

Художник озадаченно вздохнул и снова опустился на подушку.

– Я ведь ничего для этого не делал. Ты сама... Хотя я не понимаю, как тебе это удалось. Не понимаю и не верю.

– Объясни мне, все люди сначала отчаянно хотят чудес, а как только чудо происходит в ответ на их настойчивые молитвы, отказываются его признать, или это твоя индивидуальная черта? Именно твоё недоверие мешает всему. Ты не веришь в свои фантазии, не веришь в меня, не веришь даже в себя. Твоё воображение создало мой портрет. Твоя душа, вдохновлённая мечтой, подарила мне жизнь. Я уже живу, хочешь ты этого или нет. С тех пор, как твоя кисть завершила последний штрих моего облика, с тех пор как ты впервые окинул меня восторженным взглядом, с тех пор как ты приветствовал меня, рождённую вместе с зарёй, и дал мне имя, – с тех пор я живу. Смирись с этим. Тебе не избавиться от меня, я часть тебя. Но я не сумею начать полноценную жизнь в реальности, покуда ты сам не согласишься воспринимать меня как человека. Твои сомнения мешают мне стать независимой личностью. Я навеки повязана с тобой духовно, но я хочу, по крайней мере, иметь свободу действий... если уж мои мысли всегда должны отражать твои. Мне вовсе не радостно томиться в заточении деревянной рамки, в которую ты уже успел засунуть мой портрет! Не делай дел наполовину, если уж ты создал меня, позаботься, чтобы я была счастлива.

Глаза Авроры гневно вспыхивали. Опираясь локтем о перила дивана, Художник пытался сосредоточиться на смысле её слов, но это удавалось ему с трудом. Он улавливал лишь интонацию девушки – страстные, властолюбивые нотки.

– Я не понимаю, – наконец произнёс Художник с отчаянием.

Аврора вскочила и сделала нетерпеливый жест.

– Просто не верится, что у такого тупицы душа настолько глубокая и утончённая, что в ней нашлось место для меня! Мои мысли и чувства якобы порождение его внутреннего мира. Вздор! Я совсем ничего общего не имею с этим ленивым романтиком.

От этих слов у Художника больно защемило сердце. Аврора спохватилась.

– Должно быть, ты устал. Я утомила тебя долгими рассуждениями. У тебя голова трещит от непривычных мыслей. Прости меня. Я разбудила тебя среди ночи и ещё ожидала ясности рассудка. Это так неосмотрительно, что даже не похоже на меня! Тебе необходимо отдохнуть, выспаться. Утро – вот лучшее время. Я появилась на свет на восходе солнца и потому особенно ценю этот период суток. Спокойной ночи, Художник!

В самом деле, он ощутил усталость. Его снова стало клонить ко сну, глаза начали слипаться, веки отяжелели. Художник отвернулся к стене и почувствовал, что во рту у него стало сладко, будто он только что сделал плоток воды с сахаром. Мягкий голос шепнул возле самого уха:

– Не забудь: я помогу тебе, только если ты сам позволишь.

Последним, что он запомнил, было лёгкое прикосновение нежных губ к его щеке.

Встреча в сумерках

*Мы живём, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...*

Игорь-Северянин
Странно...

Первым, что увидел Художник, едва открыв глаза, был портрет девушки. Точнее, то, что от него осталось. Нежно-розовый цвет, который был выбран для фона картины, чётко ограничивал по контуру фигуру Авроры. Однако на месте самой девушки вырисовывалось аккуратное белое пятно. Как будто на холсте никогда не было портрета, только розовые краски почему-то легли строго вокруг женского силуэта.

Художник зажмурился и тряхнул головой, как ребёнок, старающийся отогнать неприятную навязчивую мысль. Когда он вновь раскрыл глаза, Аврора уже занимала своё привычное место на картине. Художнику показалось, что сегодня она смотрела на него более насмешливо и улыбалась ярче.

– Я начинаю сходить с ума, – пробормотал он.

В его памяти смутно всплывали обрывки ночного происшествия. Убедив себя, что это был странный сон, Художник подивился только, как долго он проспал – почти сутки!

Ещё раз бросив на портрет случайный взгляд, Художник имел удовольствие заметить, что красавица приветливо ему подмигнула. Он ответил ей дружелюбной улыбкой... и поймал себя на мысли, что в самом деле начинает относиться к Авроре как к живому человеку.

– Чего доброго я ещё поверю в нелепую сказку, – ворчливо обратился он то ли к самому себе, то ли к нарисованной собеседнице. – Ты почти внушила мне этот бред!.. Вернее, я сам себе его внушил, – быстро поправился Художник.

Он провёл рукой по лбу и почувствовал головокружение.

– Мне необходимо развеяться, – прошептал он, поспешно надевая пальто и избегая смотреть на Аврору, которая неотступно за ним следила.

Очутившись на улице, Художник почувствовал некоторое облегчение. Теперь он остался наедине со своими мыслями, тогда как дома он ощущал с некоторых пор присутствие другого лица. Нельзя сказать, чтобы это было ему неприятно, но уж очень ново, а Художник был несомненным консерватором, поэтому с трудом принимал любые перемены.

Что творилось у него на сердце? Он никогда до конца не понимал этого. В последнее время выяснилось, что он совершенно не знает себя. Он не был корыстолюбив, но в глубине души был тщеславен, хотя не признавался в этом даже себе. Роскошь и богатства ничего не значили для этого чудаковатого человека, но слава прельщала его. Художник желал бы достичь совершенства в чём-либо – не важно в чём – и заслужить всеобщее восхищение. Но эта мечта, как и прочие его надежды, не претворилась в жизнь.

Ему повсеместно твердили с раннего детства, что он ни на что не годный неудачник, лоботряс и безнадёжный фантазёр. Даже самые, казалось бы, близкие люди – родители и брат – не уставали повторять ему «справедливые замечания» о его бесполезности. Художник не отличался сильным характером, потому не имел желания спорить с ними, оправдываться перед обществом... Он сдался. Он сам стал считать себя таким, каким видели его окружающие.

Но с недавних пор в его душе созрел протест. Он задумался о смысле своей жизни, о своём предназначении... Не напрасно же вот уже тридцать восемь лет он занимает место на Земле, расходует драгоценный воздух и поглощает пищу.

Его называли ленивым... но ведь это было вовсе не так. С удовольствием выполнял он ту работу, которая ему нравилась. Терпеливо и неустанно занимался он делом, увлекавшим его, – живописью. Художник не соглашался превозмочь порывы души и предаться занятию выгодному, но не интересующему его, приносящему прибыль, но не удовлетворение. Поэтому не стал он ни богатым, ни успешным. Его прозвали неудачником, но был ли это его недостаток? Скорее неблагоприятное стечение обстоятельств. Ему вменяли в вину его невероятные мечты. Но разве мечтатель – позорное клеймо? Можно ли сравнивать человека уравновешенного с человеком темпераментным, почитая одного из них дурным, а другого порядочным, тогда как они просто абсолютно разные? Так же и фантазёр с реалистом не должны быть оцениваемы по одной шкале. Каждый вправе иметь свои взгляды на жизнь, и оба эти типа мышления достойны сосуществовать и дополнять друг друга.

Художнику не доставало не таланта, а стержня для его продуктивного применения. Он был наделён богатым воображением, но на этом его богатства исчерпывались. Часы напролёт мог он просиживать без цели, без дела, погружённый в свои мысли. Он уходил в себя и становился бесчувственным ко всему вокруг. Порой его мечты выливались в картины. Тогда очертания их прояснялись, но реалистичности им это не прибавляло.

Художник сам не заметил, как подошёл к своему дому. Уже сгущались сумерки. Пока он в задумчивости бродил по улицам, ещё один день жизни прошёл незамеченным.

Подняв глаза на свои окна на пятом этаже, он увидел, что в комнате горит свет. «Моя растерянность доведёт меня до неприятностей», – мелькнуло у него в голове. Он был почти уверен, что, ещё когда отключили электричество во время работы над портретом, за ненадобностью вынул лампу из розетки и с тех пор не зажигал. Однако свет в окне говорил об обратном. Досадуя на свою нерадивость, Художник вздохнул.

Мысли его снова вернулись к Авроре. «Я помогу тебе, только если ты сам позволишь», – сказала она вчера. Художнику действительно требовалась помощь. Он заплутал и потерялся в лабиринтах собственной души. Но чем могла помочь ему она, которой нет на самом деле, которая даже не человек, а фантазия?

– Если ты себя ненавидишь и презираешь, чего ждёшь от других? Как люди могут понять и поддержать тебя, когда сам ты пренебрегаешь своими потребностями и желаниями?

Этот голос прозвучал сзади Художника. От неожиданности он вздрогнул и обернулся, но, увидев Аврору, не сильно удивился.

– Похоже, ты уже начал привыкать к странностям? – улыбнулась девушка. – Это хорошо. Надеюсь, скоро ты наконец исполнишь мою просьбу.

Художник устало поморщился.

– Почему на тебе надето черное пальто? – спросил он. – На портрете ты в бордовой блузке.

– На улице прохладно, а ты не позаботился о моей одежде на пасмурную погоду. Но если тебя смущает эта деталь, я могу сделать тебе приятное.

Лёгким движением руки девушка расстегнула пальто и кинула его Художнику, оставшись в кружевной блузке бордового цвета.

– Ты неисправимый дурак, – снова заговорила она. – Не думала, что такая мелочь, как новая одежда, может отвлечь тебя от важных вещей, которые мы обсуждали.

– О которых я думал, – поправил её Художник.

– Но я ответила на твои мысли, – небрежно заметила девушка, – ведь я же предупреждала, что могу читать в твоём сердце, как в раскрытой книге, поскольку сама я одна из её страниц.

– Что тебе нужно от меня? – вяло поинтересовался Художник.

– Ты не очень-то любезен, – Аврора смотрела на него строго и пристально. – Впрочем, учитывая твоё отношение ко всем остальным твоим фантазиям, я не жалею. Меня ты предпочитаешь прочим. Спасибо и на этом. От такого грубияна приятно любое внимание.

Минуты две царило молчание. Затем Художник спросил:

– Это ты зажгла свет в моей квартире?

Аврора возмущённо покачала головой.

– Ты снова отвлекаешься на пустяки. Да, я. Но вряд ли это имеет значение для твоего будущего.

– Что тебе нужно? – повторил Художник свой вопрос, едва скрывая закипавшее раздражение.

фото: Наталья Гончар

– Похоже, что ночью ты меня совсем не слушал. Ну что ж, мне не сложно объяснить ещё раз.

Девушка на шаг приблизилась к своему собеседнику и заговорила медленно и выразительно:

– Я хочу помочь тебе. Я тебе нужна, не пытайся отрицать это. Ты ждал меня всю жизнь, а теперь упрямо не хочешь подпускать к себе. Твои мечты могут осуществиться, Художник, я тому подтверждение. Твой конфликт с окружающей действительностью зародился не вне, а внутри тебя. Ты сам портишь свою жизнь и своё будущее заикленностью на обречённости. У тебя доброе сердце, глубокий внутренний мир, твои фантазии прекрасны и достойны сбываться, тем более что они нужны тебе для счастья, и раз ты не можешь сам полностью перебраться в воображаемый мир, значит надо дать шанс твоему воображению выбраться

наружу и преобразить мир реальный. Ты возразишь, что это не удастся, и будешь прав: не удастся, пока ты не устранишь единственное препятствие в виде своей замкнутости и своего неверия.

Он слушал Аврору с бесстрастным лицом, лишь нервно теребя руками воротник её пальто. Когда она замолчала, он отвернулся и пошёл к подъезду. Девушка последовала за ним и возле двери спросила:

– Ты не пригласишь меня в дом?

Художник увидел, что она дрожит. От холода или от волнения? Он набросил ей на плечи пальто и молча скрылся в подъезде, плотно закрыв за собой дверь.

Когда Художник вошёл в квартиру, свет был погашен. Он включил лампу и посмотрел на портрет. Поверх бордовой блузки на Авроре было надето чёрное пальто нараспашку. Художник сел на диван, опустил голову и до боли сжал виски пальцами. Через минуту он поднялся, подошёл к мольберту и протянул девушке руку. Аврора улыбнулась, оперлась о его ладонь и сделала шаг вперёд.

Подарок звёзд

*Ты полюбишь смотреть на звёзды.
Они станут твоими друзьями.
Это мой подарок.*

*А. де Сент-Экзюпери
Маленький принц*

– Ну наконец-то! Я уж почти потеряла надежду, что ты когда-нибудь решишься впустить меня в свой мир, – с этими словами девушка удобно расположилась на диване.

– Зачем тебе так важно было попасть сюда? – осведомился Художник, присаживаясь рядом с ней. После того как Аврора на его глазах сошла с холста, он смирился с тем, что тронулся умом, и теперь был готов к любым невероятным событиям.

– Пришла пора выслушать меня, – серьёзно заговорила девушка. – До сих пор ты пропускал мимо ушей мои слова, но отныне ты должен со мной считаться. Благодаря тебе я человек.

Художник кивнул, не пытаясь вникнуть. Он не мог определиться, как воспринимать своё помешательство, делающее плод его воображения столь похожим на реальное присутствие девушки в комнате, а потому временно воздержался от споров со строптивым портретом.

– Моя цель – показать тебе твою роль в этой жизни, место, которое ты тщетно ищешь вот уже тридцать восемь лет.

Девушка выдержала паузу и посмотрела в глаза Художника.

– Ты не отличаешься ни умом, ни сильным характером, ни упорством. Но у тебя есть несомненные достоинства. Ты наделён талантом – об этом свидетельствуют твои работы, к сожалению, почти всегда неоконченные. У тебя добрая, чистая душа – из неё ты черпаешь сюжеты для своих картин. Ты мог бы стать великим, если бы набрался терпения. Ты был бы превосходным другом, если бы не замкнулся в себе. Ты особенный, и роль тебе тоже отведена особая.

Аврора взяла его за руку. Он вздрогнул от этого прикосновения живого человека, так неожиданно вошедшего в его дом.

– Ты боишься новых разочарований, – вновь заговорила девушка. – Я знаю, что ты сталкивался с непониманием, с холодностью, с безразличием. Но ты должен научиться доверять себе. Без этого ты пропадёшь. И главное – уважай свои мечты. Тебе всё равно от них не избавиться. Уничтожая очередную фантазию, ты опустошаешь своё сердце, а это очень вредно.

– Откуда ты взялась? – спросил Художник. – Если, как ты выразилась, ты рождена моим воображением, то почему я не помню этого? Мне никогда не хотелось, чтобы в моей квартире сидела непрошенная незнакомка и читала мне наставления.

Аврора встала в полный рост. Глаза её сверкнули, предупреждая о скрытой опасности. Но голос зазвучал по-прежнему тихо и мягко.

– Тебе нужен именно такой человек, как я. Ты искал меня среди окружающих тебя людей. Но я жила в ином мире, и ты вызвал меня наружу...

– Я не звал тебя, – угрюмо перебил её Художник.

– Советую тебе быть приветливее, – угрожающе прошипела Аврора. – Я твой единственный шанс на счастье, лучше не упускать.

– Никогда прежде «счастье» так не навязывалось мне.

Девушка промолчала. Художник прервал тишину.

– Ответ на мой вопрос прямо хоть раз. Как тебе удалось стать человеком?

Аврора взглянула на него нежно и даже как-то жалобно.

– Я не человек и никогда им не стану. Мне не дано иметь своих чувств, своих мыслей, своих снов, своих эмоций. Я отражение человека. Твоё отражение.

– Как ты собираешься мне помогать?

– Покажу, что твои фантазии могут быть приняты в реальной жизни. Тебя терзал страх, что никому не интересно твоё внутренне содержание. Но я сумею существовать наряду с другими людьми, заводить знакомых и нравиться им, тогда ты поймёшь, что ни к чему прятать свои мечты в глубине души. Если ты создаёшь какой-то образ, значит так нужно, значит это имеет смысл. Осознать этот смысл можно лишь изучив себя, а для этого не надо скрываться от всего света.

Художник не отвечал. Впервые за долгую жизнь он слышал со стороны собственные мысли. В устах красивой девушки они звучали более убедительно. Художнику стало приятно.

Аврора подошла к окну и раскрыла его.

– Знаешь, ничто не исчезает бесследно. Все твои разорванные незавершённые эскизы, все твои несбывшиеся желания существуют. Ты сотворил целый мир. Это прекрасный, поразительный мир. И ты в нём хозяин. Правда, ты никогда не был там. Хочешь сходить на экскурсию?

– Как это? – изумился Художник.

Девушка чарующе рассмеялась.

– Тебе ни к чему знать дорогу, тебе повезло с провожатым. Просто закрой глаза.

...Так легко ему не было ещё никогда. Он совсем не ощущал своего тела. Он чувствовал, что полон необъятной силы, придававшей невесомость его движениям. Взглянув на дорогу, по которой он бежал, он увидел тысячи огромных блестящих шаров, устилавших его путь.

– Это звёзды, – прозвучал вблизи знакомый голос. От мысли, что Аврора рядом с ним, Художнику стало спокойнее. Но он не обернулся к ней.

Вдруг он заметил, что вовсе никуда не бежит, а напротив, звёздное полотно под его ногами бесконечной лентой мчится вперёд. Потом он понял, что стоит на спине гигантского золотого коня и перед ним сверкает звёздная грива. Внезапно конь обернулся, горделиво потряхнув головой, и всадник увидел его глаза – Луну и Солнце. Два небесных тела украшали морду небесного скакуна. Художник вспомнил, что когда-то он пытался нарисовать точно такую картину. Но ему не удалось передать впечатление полёта золотого коня. Тогда с досады он разорвал холст.

– Аврора, я жив?

– Что значит жизнь для тебя?

Художник рассмеялся. В самом деле, какая разница для него, жив он сейчас или нет? Впервые он был по-настоящему счастлив, и, если это счастье подарила ему смерть, напрасно люди боятся её. Неожиданно конь сбросил его со спины. Художник кубарем полетел в неведомую бездну. Приземлившись, он не почувствовал удара или ушиба. Шёлковая зелёная трава смягчила падение. Художник поднялся и осмотрелся. Прямо перед ним возвышалась хрустальная стена. За ней он разглядел громадного волка с белой косматой шерстью. Его жёлтые глаза с узкими зрачками озирались по сторонам, поминутно зверь обнажал ряд острых клыков. Неторопливо переставляя массивные лапы, волк прохаживался вокруг цветочной клумбы, засаженной розами. Это также была одна из неудавшихся картин Художника. Он хотел изобразить розы, охваченные огнём, который не губил бы их, а лишь наделял неповторимым шармом. Но, рисуя пламя, он не мог не добавить пепел – без этого картина пред-

ставлялась ему чересчур иллюзорной. Лепестки, припорошённые серой золой, утрачивали очарование, становясь тусклыми, и даже пляшущий огонь не мог их оживить. Тогда Художник зажёл свечу и по-настоящему спалил свои розы вместе с волком на так и не законченном полотне.

Здесь же головки цветов пылали, но не сгорали. Красивы и свежи были эти розы, объятые пламенем, которое вопреки всем физическим законам не образовывало пепла.

– Хрустальная стена, свирепый сторож волк... К чему столько преград? Ведь никто всё равно не сможет сорвать этих цветов, поскольку они огненные, – прошептал Художник.

– Порой препятствия, кажущиеся непреодолимыми, на деле просто нелепы. Тот, кому действительно что-нибудь нужно, непременно получит это, – отозвалась Аврора.

Не дожидаясь ответа, она подошла к стене и слегка стукнула по ней ногтем. Высокая ограда разлетелась на миллионы осколков, хрустальным дождём посыпавшихся на землю. Волк зарычал глухо и раскатисто, но, прежде чем Художник успел остановить её, девушка уже приблизилась к нему вплотную. Она положила руку на голову лютому зверю и тот, завиляв хвостом, точно домашний щенок, покорно сел и лизнул ей ладонь. Аврора надломила стебель одной из роз и, вернувшись к Художнику, протянула ему цветок. Он принял его. Хотя роза ярко пылала, она не обожгла его.

– Я поймал бы для тебя одну из птиц, что летают над нашими головами, – произнёс Художник.

По небу и правда кружили стаи красивых пернатых созданий. Трудно было рассмотреть их в вышине: издали они выглядели лишь яркими пятнами разных цветов. Птицы издавали пронзительные протяжные крики, которые вряд ли можно назвать приятным звуком. И всё же было в их голосах нечто трогательное, нечто даже гипнотизирующее, что заставляло вслушиваться в них, улавливая какие-то почти человеческие ноты. Однажды Художник пробовал нарисовать такую стаю, но в его воображении неотъемлемой составляющей придуманного образа было именно птичье щебетание, которое никак не воплотить на бумаге, а потому работа оказалась заброшена, как и сотни других.

– Нет необходимости ловить их, – с улыбкой ответила Аврора. Она подняла глаза к парящей стае. Одна из птиц отделилась от своих подруг и стала снижаться. Опустившись на плечо Художника, она ещё раз слабо вскрикнула, отчего у него сжалось сердце. Хвост и крылья у птицы были ярко-красными, а туловище и головка окрашены в бледно-жёлтый цвет. Сама она была величиной с павлина, но имела непропорционально длинный клюв. Рассматривая это странное существо, примостившееся на его плече, Художник обратил внимание на карие глаза, в которых читался редкий ум. В знак дружбы только что приручённая знакомая слегка ущипнула Художника за нос. Он улыбнулся.

– Пора домой, – позвала Аврора, – прогулка по звёздам окончена.

Художник огляделся вокруг напоследок. Присмиривший белый волк растянулся на солнышке. Рядом с ним пылала клумба. Сперва Художник испугался, что зверь может опалить себе шкуру, но, переведя взгляд на розу, ласкавшую огнём его руку, успокоился.

На траве блестела прозрачная роса. Присмотревшись, Художник догадался, что это были осколки хрустальной стены, разбитой Авророй. А наверху парили птицы. Долго ещё их тоскливые крики продолжают звучать в душе Художника. Но в слившемся хоре схожих голосов явственно выделялся голос той единственной, которая выбрала его своим другом.

С сожалением покидая этот райский сад, Художник подумал, что, если бы он знал раньше о существовании мира, где воскресли все образы, давным-давно похороненные в его сердце, он избавился бы от части своей горечи. Посещение волшебного места заставило его понять, что живопись одномерна, поскольку фиксирует лишь визуальный облик, оставляя без внимания звуки, вкусы и запахи, но искусство не сводится к передаче форм на бумаге. Сокрушаясь, что холст не способен вместить всю многогранность красоты его фантазий,

Художник по умолчанию отказывал в этой способности и душам других людей, тогда как картины призваны служить порталом для перехода из воображаемого мира автора в мир воображения публики, где вполне приемлемы горящие без пепла лепестки цветов и летающие звёздные кони.

Жизнь в клетке

*Сама жизнь – смешение: добро и зло,
счастье и несчастье, смех и горе, правда и ложь живут
рядом, и так близко друг к другу, что иногда трудно отличить одно
от другого.*

*Гавриил Троепольский
Белый Бим Чёрное ухо*

Художник был озадачен. После посещения райского сада с волшебными цветами и дивными птицами он стыдился взамен пригласить Аврору на прогулку по серым будничным улицам. Между тем она нетерпеливо жаждала знакомства с его миром. Он недоумевал, что показать ей, с чего начать открывать перед ней превратные истины реальности. Ему не хотелось, чтобы её постигло разочарование, однако это было неизбежно. Он с лёгкостью предвидел, какой убогой ей покажется действительность. Сам он, ещё в детстве осознав несовершенство мира, за долгие годы смирился с человеческим равнодушием, повсеместной несправедливостью, скукой повседневности. Раз Аврора, по её собственным словам, была отражением его души, значит и смотреть на жизнь она станет сквозь ту же призму. Художник ощущал себя патриотом, которому поручили развлекать иностранную туристку, и он трепетал от мысли, что не сможет выбрать достопримечательности, достойные быть представленными вниманию чужеземки.

После мучительной головоломки Художник так и не сумел придумать ничего более оригинального, чем сводить Аврору в зоопарк. Общение с животными, на его взгляд, обещало оказаться более безобидным, чем с людьми.

На улице девушка вела себя спокойно. Сочувствующим взглядом награждала она курящих мужчин и женщин. Изумление и досада отображались на её лице при виде разбросанных по тротуару банановых шкурок и пластиковых бутылок. Когда автомобиль с треском завёл мотор и проехал перед самым её носом, она трижды чихнула от поднявшейся столбом пыли. Но за всю дорогу она не проронила ни единого слова. С любопытством озираясь по сторонам, девушка не спешила сообщать о своих выводах, а Художник опасался расспрашивать.

– Они в клетках?!

Смятение, отчаяние, негодование, недоверие, жалость... Не перечислить всех чувств, слившихся в этом коротком восклицании. Художнику стало стыдно, будто его уличили сразу во всех преступлениях, совершённых родом человеческим. Стыдно перед Авророй, которая, казалось, именно его обвиняла в непочтительном обращении с животными. Стыдно перед десятками людей, толпившимися перед клетками и недоумевающе обернувшимися на странную девушку, кричавшую на весь зоопарк:

– Как мог ты допустить такое?

Художник растерялся окончательно.

– Прошу тебя, Аврора, говори тише, – взмолился он шёпотом.

Не понижая голоса, она продолжала возмущённо бросать ему в лицо:

– По-твоему, мне нужно молчать? Не хочешь слышать неприятную правду? Разве я заблуждаюсь? Разве не чудовищно такое обращение с живыми созданиями?

– Аврора, животным здесь совсем не плохо. За ними ухаживают, их кормят.

– Одной пищей сыт не будешь! Нужны ли им подачки людей? Интересовался ли кто-нибудь, чего хотят эти существа, немилосердно упрятанные в клетки? Их участь решили за них, хотя никто не имел на это право.

– Это всего лишь звери! У них нет мыслей, нет эмоций, нет языка.

– Скажи лучше, люди не понимают их мысли, их эмоции, их язык.

– Ты просто ненормальная! – Художник чувствовал себя ужасно неловко. Посреди зоопарка его отчитывала та, кто ещё вчера была не более чем сгустком масляных красок, а он вынужден был глупо оправдываться. – Никто не воспринимает этих зверей как мучеников. Работники заботятся о них, посетители любят их ими.

– В этом и заключается весь трагизм. Никому дела нет до чужих страданий. Даже детей забавляют животные, томящиеся в неволе.

Художник облегчённо вздохнул: последнюю фразу Аврора сказала значительно тише.

– Пойми, у людей нет цели издеваться над питомцами зоопарка. Они здесь лишь для того, чтоб желающие могли на них смотреть...

– Лучше бы вы почаще смотрели им в глаза. Дикие звери прекрасно живут в природе и вовсе не огорчаются, оттого что не видятся с людьми.

– Аврора!

– Я работаю в зоопарке не первый год, но никогда прежде не слышал подобных суждений.

Художник и девушка, разгорячённые спором, не заметили цыгана средних лет, который давно уже стоял в двух шагах от них и теперь вмешался в разговор.

– Ваше мнение резко отличается от привычных в обществе взглядов. Откуда Вы, юная леди?

Художник покраснел и поспешно ответил:

– Извините мою... сестру за ту чепуху, какую она наговорила.

– Не стоит извиняться за искренность, – возразил цыган. – К тому же она во многом права.

– Благодарю Вас, – с улыбкой отозвалась Аврора.

– Согласен с Вами, что порой немисливо отвратительные действия воспринимаются в порядке вещей. Вы, видимо, многого не знаете об этом жестоком мире, если Вас так поразили зоопарк. Поверьте, на фоне общего беспорядка пренебрежительное отношение к животным кажется мелочью.

– Но загубленные судьбы стольких зверей не пустяк!

– Да, безусловно. Я понимаю, что они здесь не слишком счастливы. Я цыган, а наш народ ценит свободу превыше всего. Смерть предпочтительнее жизни в клетке. Но люди не в состоянии и в собственных проблемах разобраться, а на животных и подавно не хватает времени.

Аврора вздохнула.

– У Вас добрая душа, леди. Но стоит ли так близко принимать к сердцу то, что вы всё равно не в силах исправить?

– Если бы каждый не уклонялся от своей доли ответственности, мир стал бы лучше.

– Очередная свежая мысль слетела с Ваших губ. Наверное, это и моя ошибка тоже, что я предпочёл смириться с происходящим. Я стараюсь хоть чем-то облегчить судьбу своих подопечных, разговариваю с ними ласково, смотрю им в глаза, как Вы и советовали... Только что им толку от моего сочувствия.

Голос Авроры зазвучал тёплыми нотками.

– Вы хотя бы признаёте свою причастность в отличие от моего... брата. Он позиционирует себя отстранённо от чужих несчастий.

– Побольше бы таких личностей, как Вы, юная леди! – произнёс цыган, не скрывая растроганности. – Мы жили бы иначе.

– Я рада, что Вы не боитесь высказывать свои чувства. Но ответьте мне на один вопрос. Мне показалось, Вам не нравится работать здесь. Так почему Вы не уйдёте из зоопарка?

– Как объяснить Вам, леди?.. – цыган помолчал с минуту. – Не ощущая в себе сил переменить мир, я приспосабливаюсь к нему. Нужно как-то обеспечивать себя. Альтернативы я не нашёл.

– Выбор должен существовать. А как же свобода, которой Вы так дорожите?

Аврора заметила, что лицо её собеседника омрачилось.

– Цыгане в наши дни уже не те, что были раньше. Лишь романтические песни и баллады хранят ещё отголоски прежней кочевой жизни нашего народа. Свободу продали, причём довольно дёшево. Моя сестра работает прорицательницей. Люди платят ей за то, что она предсказывает им будущее. Разве правильно получать деньги за дар, данный ей с детства, вошедший в её кровь вместе с молоком матери? Но как жить по-другому? Я чищу клетки десятков запертых здесь зверей, хотя предпочёл бы косить сено для единственной пегой лошадки.

Цыган обречённо махнул рукой.

– Не судите себя слишком строго, – попросила Аврора, хотя она знала, что здесь неуместны слова утешения.

Сквозь металлические прутья на девушку безотрывно смотрела зеленоглазая чёрная пантера. Со стороны наблюдалось их явное сходство в пластике движений и во взгляде. Аврора протянула руку в клетку. Художник не успел её остановить, а цыган, заметив его порыв, посмотрел на него, как на несмышлёного ребёнка. Пантера прижала уши, когда на её затылок опустилась мягкая человеческая ладонь. Аврора гладила бархатный мех, и печаль сдавила её сердце. Шершавым языком хищница лизнула руку девушки.

– Постойте, леди! – крикнул цыган вслед ей, когда она двинулась вместе с Художником к воротам зоопарка. – Как Ваше имя?

– Аврора, – откликнулась девушка, оборачиваясь, – а Ваше?

– Роман. Я рад нашему знакомству. Люди вроде Вас встречаются редко. Желаю Вам не утратить чистоту души.

– Спасибо. Счастья Вам, Роман. Приятно было поговорить.

По дороге домой Художник был хмур и недоволен.

– Ты не должен пытаться скрыть от меня происходящее вокруг, каким бы оно ни было вопиющим, – обратилась к нему Аврора. – Я для того и пришла сюда, чтобы познать реальный мир и разобраться, почему ты бежишь от него в свои мечты.

– Думаешь, после твоего сегодняшнего поведения я собираюсь что-то объяснять тебе? – вспыхнул Художник. – То, что тебе довелось увидеть, не подлежит сравнению с настоящими неприятностями, которыми кишит наше общество. Если поход в зоопарк, в который детей водят для развлечения, произвёл не тебя столь сильное впечатление, каким потрясением будет остальное?

– Меня больше настораживает твоя хладнокровная реакция. Ведь тебя волнуют те же вещи.

– Ошибаешься. Я не нервничаю из-за того, что животных содержат в аккуратных клетках и кормят отборной едой.

– Ты просто держишь свои истинные мысли в себе. Уж мне-то известно, что твоё сердце не такое чёрствое, каким тыставляешь его напоказ.

– Чего ради я стану изливать душу перед людьми?

– Они услышат тебя и в свою очередь очистятся от предрассудков. Не смей возражать! – Аврора сделала предостерегающий жест. – Первый же человек, которого я встретила в этом мире, с пониманием отнёсся к моим переживаниям, а ты за тридцать восемь лет не сумел найти никого, кто разделит бы твои взгляды. И даже меня ты отталкиваешь.

– Мне не нужен наивный ребёнок, который навязывает мне свою нелепую точку зрения.

– Не кипятись, это вредно для твоего хрупкого здоровья. Ты стыдишься меня потому, что я произношу вслух и прилюдно те из твоих убеждений, за которые ты привык стыдиться самого себя. Но то, что ты их скрываешь, не отменяет их наличия. Прежде чем придираться ко мне, оцени собственную позицию. Спокойно созерцать зло означает осознанно отказываться от добра. Пора бы наконец вплотную заняться поисками своего места на Земле.

– А тебе на Земле вообще не место. Ты портрет.

Аврора умолкла. Это была больная струна.

– Откуда в тебе столько ехидства, – вновь начал Художник. – Все твои речи сводятся к неодобрению моей жизни. Хочешь помочь – прекрати по крайней мере проявлять своё бесконечное недовольство. Легче от твоей критики не становится.

– Прежде чем перейти к решению проблемы, сильные люди её озвучивают, чтобы принять бой с ней лицом к лицу. Про то, как слабые её избегают, не мне тебе рассказывать.

Город драконов

*Ты ложишься спать, а где-то
Наступает час рассвета.
За окном зима, а где-то
Жаркое сухое лето.
Много на Земле людей,
Мир велик, запомни это.*

Роман Сеф
Час рассвета

– Тебе плохо, – уверенно произнесла Аврора, положив руку на плечо Художника.

Они были уже дома и молча стояли у окна.

– Да, это так. И отчасти по твоей вине, – отозвался он.

– Прости, я не хотела огорчить тебя.

В голосе девушки слышались нежность и участие. Художник бросил на неё подозрительный взгляд и со вздохом тяжело опустился на край дивана.

– Что ж, давай лечить твою душу, – сказала Аврора, присаживаясь на пол у его ног. Её покорность и доброта насторожили Художника.

– По какому рецепту? – уточнил он.

Ответом ему был негромкий завораживающий смех.

– Догадайся сам. Что делал ты прежде всякий раз, когда сердце сжимала тоска?

Рука Художника машинально потянулась к кисти и краскам. Воображение его уже приготавливало наброски будущих картин...

– Но это не выход. Хаотичные мазки на мольберте ни в чём не могут помочь.

– Вспомни о моём происхождении, и ты поймёшь, что подобные слова – оскорбление для меня, – строго прервала Аврора отговорки Художника.

Огонь танцевал перед их лицами. Причудливые тени неясными очертаниями ложились вокруг языков пламени. Негромко хрустел горящий хворост.

Рисунок автора, 2011 г.

Они смотрели на огонь. Долго, безотрывно. Оба хранили молчание.

В шаге от костра открывалась пропасть. Где-то глубоко внизу торчали острые вершины гор. Но скала, на краю которой они сидели, возвышалась над целым миром. Выше

было только небо, серое и бездонное. На востоке, вопреки географической логике, садилось солнце. Озаряемые им алые облака медленно плыли вдоль линии горизонта.

Изредка над их головами пролетали драконы, то поодиночке, то небольшими стаями. Вот один из них, описав в воздухе круг, приземлился на скалу. От взмаха его могучих крыльев огонь вздрогнул и исказился, но не погас.

– Здравствуй, – произнесла Аврора, не отрывая глаз от костра.

– Добрый вечер, – ответил дракон чуть слышным басом.

Повернув голову к прилетевшему гиганту, девушка что-то нашептала ему. Художник не расслышал, с какой просьбой она обратилась. Дракон протянул лапы к огню и, положив голову на землю, прикрыл глаза. Его голос зазвучал степенно и размеренно.

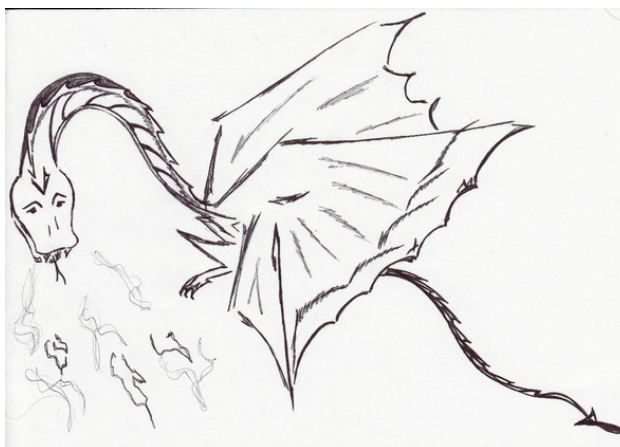

Рисунок автора, 2011 г.

Она стояла на вершине диких скал.
Об их подножье бились волны океана.
Восточный ветер кудри разведал
Гречанки с редким именем Диана.
Струилось платье, форму смуглых плеч
Изящным силуэтом облекая,
И, не стараясь жизнь свою беречь,
Не отходила девушка от края.
Был взгляд её решителен и смел,
Хотя обрыв от ног её так близко.
Над горизонтом неба свод алел
В лучах последних солнечного диска.

Ей вспомнился опять дракон большой...
Примчался он неведомо откуда,
И удалось спастись лишь ей одной
Из города. Тогда случилось чудо:
Чудовищу понравилось дитя.
Душа его, возможно, стала чище.
Широкой лапой девочку схватя,
Её он перенёс в своё жилище.
Поставил он малышку на утёс
И осмотрел внимательно Диану.

Затем дракон негромко произнёс:
«Останься здесь. Твоим я другом стану.
Согласием ответишь ты сейчас —
И будешь под надёжной жить защитой.
Но если я услышу твой отказ,
Ты упадёшь немедленно убитой
В стремительно бушующий поток,
И восприму я смерть твою забавой.
Не отрицаю, может, я жесток,
Но сделать выбор ты имеешь право». —
Все чувства вытеснял безумный страх,
Погибнуть не была она готова.
Возникло безотчётно на устах
Внезапно роковое это слово...

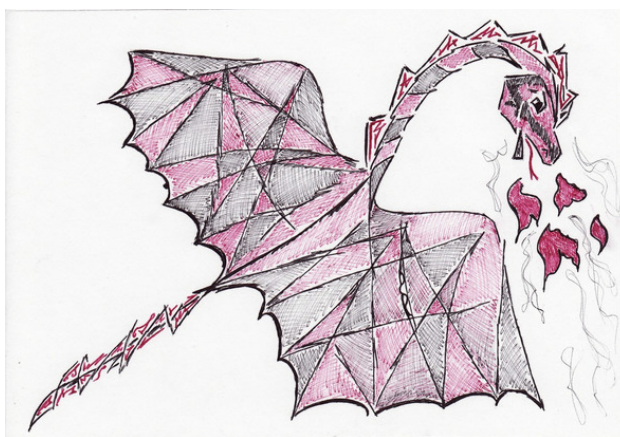

Рисунок автора, 2011 г.

Дракон ей заменил отца и мать,
Восполнил ей семьи родной утрату.
Ему пообещала доверять
Диана, и всю жизнь любила свято
Того, к кому она попала в плен,
Но этот плен был красочен и ярок.
Он, ничего не требуя взамен,
Бескрайний мир ей преподнёс в подарок,
Где для неё рождался солнца луч.
Подобной чести смертный не достоин.
Лишь ей позволил тот, что столь могуч, —
Её герой, её летучий воин.
Стрелой срывался он с высоких гор,
И воздух рассекал он всё быстрее,
И опьянял волнующий простор...
Диана же, сидящая на шее,
В пушистые ныряла облака,
Покрепче обхватив его руками.

А друг её на землю свысока
Пускал уничижительное пламя.
А вечером, вернувшись на утёс,
Чешуйчатой своей шершавой мордой
Уткнувшись ей в колени, словно пёс,
Урчал дракон таинственный и гордый.
В стремлении создать уютный дом,
Где не тревожит дождь или прохлада,
Он кутал девушку заботливым крылом.
Она была растерянна и рада.

Конец придёт всему когда-нибудь.
Диане сообщил дракон однажды,
Что предстоял ему далёкий путь.
Пришлось прощаться. Будто бы от жажды,
Она едва дышала. Всё же сил
В минуту ту послал ей древний предок.
Дракон же ничего не объяснил,
Лишь ласково погладил напоследок
По лбу подругу кончиком крыла.
Вопросов задавать он не смела.
Он ждать велел – она его ждала,
До остального не было ей дела.
Нарушен навсегда теперь покой,
Судьба перевернулась наизнанку.
Хотя своей загадочной душой
Чудовище огромное гречанку
Любило... Впрочем, есть ли в этом толк?
Их счастье изначально было зыбко.
Он улетел – и смех её умолк,
И с губ навечно спряталась улыбка.
Ни вздохов, и ни жалоб, и ни слёз
От девушки в ту ночь не прозвучало.
Дианы сердце зверь с собой унёс,
И безнадёжно опустели скалы.

С тех пор утёс, тоски безмолвный храм,
Ей добровольной стал тюремной башней.
Она рассвет встречала по утрам:
День наступал не лучше, чем вчерашний.
Хоть аппетит давно её исчез,
Её нектаром птицы угощали,
Спускаясь ежедневно к ней с небес,
Желая поддержать в её печали.
Садилась стаи их на горный склон,
Удел гречанки им казался жалок.
А из воды, Диане посвящён,
Звучал порой прекрасный хор русалок.
Морских богинь, однако, голоса

Её вниманьем вовсе не владели.
Отныне горизонта полоса
Вмещала все мечты её и цели.
И девушка, знакомый силуэт
Надеясь встретить, не спускала взора.
Пусть год пройдет и даже много лет —
Вернется друг. Сегодня. Завтра. Скоро.

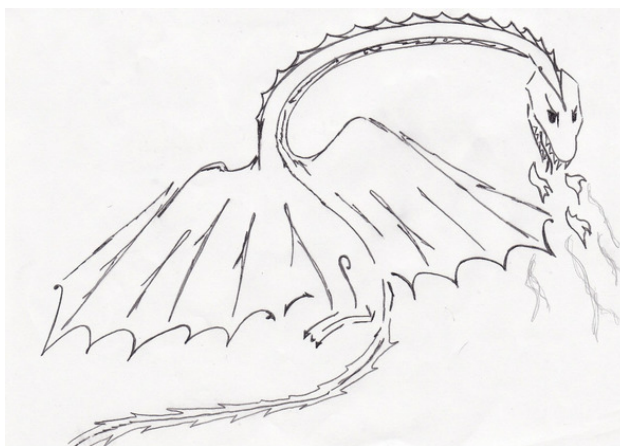

Рисунок автора, 2011 г.

Но для драконов вечность — это миг,
А век людей, к несчастью слишком краток.
Дианы возраст старости достиг,
И время наложило отпечаток.
Коснулась седина её кудрей,
И потеряла грацию фигура,
Лицо морщины сделали мудрей...
А сверху вниз взирали так же хмуро
Всё те же тучи. Тот же океан
Стучал об горы, что прямы и гладки.

Природе чуткий разум не был дан
Постичь любви великие загадки.

Когда дракон замолк, Аврора спросила:

— Так вот почему в ваших владениях нет места людям?

Рассказчик кивнул.

— Созданиям нашей породы лучше не вступать в отношения с человеком. История, услышанная вами, воплощает глубокий трагизм предначертанной несовместимости. Любой дракон желает сохранить за собой право испепелять города, когда ему вздумается, и покидать дорогое существо без лишних объяснений. Это не мешает ему иметь доброе сердце. Он был приручён девушкой, но людям не понять такого мировоззрения. В их глазах Диана предстаёт жертвой и внушает им жалость.

— Или зависть... — задумчиво вставила Аврора. — Мне кажется, герои легенды были счастливы. Причём не только в лучшие их часы, но и после расставания. Ведь счастье — это

неуловимая тень. Дракон научился любить, гречанка – прощать жестокость и терпеть боль. Разлука воспитывает чувства. А сама их встреча стоит многих внешне благополучных судеб. А ты что скажешь? – внезапно развернулась она к Художнику. Тот криво усмехнулся.

– Скажу, что на сей раз нам повезло больше: теперь мы обосновались в гостях у моих бредовых фантазий, а не наоборот. Держать дикую птицу в комнате, а горящую розу – в вазе ещё можно, но что бы я стал делать с огромным чудовищем, избегающим людей?

Как ни цинично прозвучали его слова, Аврора простила Художника. Его душа создала эту легенду, её рассказчика и весь мир, в котором они находились. Пожалуй, это освобождало его от комментариев.

– Если люди чужды вам, отчего ты столь охотно и дружелюбно разговариваешь с нами? – поинтересовалась девушка, вновь обращаясь к хозяину здешних мест.

– То, о чём я говорю, – нормальные мысли для дракона. Но то, о чём он думает, – рептилия кивком указала на Художника, – странные мысли для человека. Поэтому у меня особое отношение к нему.

– А ко мне? – снова задала вопрос Аврора.

– А ты мираж.

Девушка опустила голову. Художник нахмурился. Все трое молча смотрели на костёр.

Рисунок автора, 2011 г.

Силуэт удаляющегося дракона чётко вырисовывался на фоне алого закатного неба. Художник закурил, не сводя взгляда с мольберта, над которым более часа работала его кисть. Аврора стояла за его спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.